

The background is a dark, textured painting of a city street scene. It features several buildings with windows, some of which are dark, suggesting they are empty or in shadow. In the foreground, there is a wooden bench or railing. The overall style is expressive and somewhat somber, with a palette dominated by dark greens, greys, and browns. The brushstrokes are visible, giving it a raw, hand-painted appearance.

Артур Понаехали

**ГОРОД, КОТОРОГО
НЕТ НА КАРТЕ**

Артур Понаехали

Город, которого нет на карте

«Издательские решения»

Понаехали А.

Город, которого нет на карте / А. Понаехали — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936811-9

«Город, которого нет на карте» — дебютная книга автора. В ней собраны его первые короткие рассказы: наблюдения, мысли и истории о маленьком провинциальном городе Мценске. С юмором и тоской о чём-то очень важном. О детстве и юношестве, о скрипе качелей, о первой любви и первой «восьмёрке», которая появилась у товарища во дворе. О жизни в маленьком российском городе и о бесконечной вере в добро.

ISBN 978-5-44-936811-9

© Понаехали А.
© Издательские решения

Содержание

Баба Катя	6
Убер блеск	7
Не свинья	9
О соседях	11
Фиаско	13
Помнишь, ты был живым?	15
Солнышко ты моё ясное	17
О вреде курения	19
Карманные деньги	20
Ласточка	21
Несчастливая	23
Неудача	24
Мешок добра	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Город, которого нет на карте

Артур Понаехали

© Артур Понаехали, 2018

ISBN 978-5-4493-6811-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Баба Катя

Баба Катя на этой лавке на вокзале каждый четверг сидит.

Смотрит, как проходят мимо товарные поезда, как останавливаются пассажирские.

Люди из окон вагонов ей рукой машут. Летом всё чаще. Наверное, летом все немножко счастливее становятся.

Баба Катя за свой век на этом вокзале многое повидала: большие грустные слёзы мам призывников, большие слёзы радости девушек дембелей.

Вахтовиков с чёрными сумками-баулами, курортников в шляпе и сланцах под мценским дождём. Далеко ли до Адлера, это ж тьфу!

Пронесется мимо поезда, секунда, другая – и только хвост торчит.

А товарные бывают длинные-длинные. Кажется, целый век смотришь на него, а он всё бьётся колёсами о рельсы, как метроном. Чучух, чучух.

Когда вернулся Ванюшка, бабкатин сын, было солнечно.

Баба Катя надела своё лучшее платье, сиреневое, в крупный чёрный горох.

Жена Ванюшина его встречать не пошла. Уже как месяц она «решила идти дальше». Бывает такое у женщин, Ваня простил.

Долго стояла баба Катя на перроне, всё ждала, когда заветный поезд из-за поворота покажется.

Поезд показался, сердце оборвалось: «Ну, вот ты, мальчик мой, и дома».

Ваня вернулся домой жарким июлем 1996 года.

Ваня вернулся домой жарким июлем 1996 года в коробке из цинка с пометкой «200».

Баба Катя возвращается на вокзал каждый четверг. Надевает своё лучшее платье, сиреневое, в крупный чёрный горох.

Смотрит, как проходят мимо товарные поезда, как останавливаются пассажирские.

Однажды Ванюша ей даже снился: «Ма, ну не ходи ты. Ну чего ты ходишь. Ну люди смеются, ма, ну они ж не знают».

А баба Катя ждёт, когда вернётся её Ваня.

Всё ждёт, когда он сядет вот тут рядом на лавочку, приобнимет её: «Мам, дождалась, получается».

И вот бы ещё хотя бы раз увидеть, как солнце его лицо разукрасило веснушками.

И баба Катя ждёт.

«Скорый поезд Москва... Белгород... прибывает... на вторую платформу... первого пути».

Убер блеск

Такси во Мценске – дело особое: со своей атмосферой.

Это в Москве уже никакой души в сфере пассажирских перевозок не осталось. Так, вот он я, на улице Долгоруковской. Тык. К вам едет Дилшод с рейтингом 4,9 на беленькой киа рио. Будет через 10 минут. Убер Блеск, как говорит мой товарищ, известный писатель Филипп Мильштейн.

Автоматизм сплошной, где душа осталась только у Дилшода и у меня. И то – Дилшодова душа измотана большой негостеприимной Москвой, а моя похожа уже на тряпочку, которой протирают стол от крошек.

Другое совсем дело во Мценске. Во-первых, никаких приложений для вызова такси там ещё не придумали, а если кто и придумает, то никто не воспользуется – потому что это от лукавого.

Во Мценске, чтобы вызвать такси, нужно набрать пятизначный запоминающийся номер. Три пять пять пять пять, например, такси «Городское». Женщина-диспетчер, кстати, так в трубку и скажет: «Такси «Городское». И ни здрасте, ни до свидания – не потому, что невежлива, а чтобы время сэкономить. «Выезжает машинка, – и, ещё трубку не успела положить, уже в рацию, – пяточок, забирай заказ».

У каждого таксиста рация: «Третий – центр», «Соточка – на БАМе», «Десятый – Коммаш-Центр». Шипит там всё, хрипит, как умирающий демон, и слышно от диспетчера: «Третий, забирай заказ! Улица ПШШШШ второй дом ШШШШ подъезд». А он ей: «Понял, забираю!» ПОНЯЛ! Навык, не иначе.

Такси почти в любую точку Мценска стоит 80 рублей. 6 лет подряд стоило 70, недавно ценник подняли. Дают в основном-то по сто – и, чтобы у таксиста всегда была сдача, он десятичек наменивает и складывает на приборную панель.

Вызвал ты, значит, до центра машину. Слышишь, из-за угла гремит что-то, бахает! Твоё! Ваз 2109 с ветерком разрезает пространство двора и со скрипом тормозит у подъезда. Заказывал ли ты, товарищ бородатый, Сами Насери? Заказывал поездочку с ветерком? Так грузись!

Закрывать дверь, не хлопнув дверью, – дело пустое. Потому что если не хлопнешь – ты хер её закроешь. У водителя играет песня о том, что «Золоткой упала с неба звезда. Что, не загадала?». И женщина в песне отвечает «Нет». «Ну, как всегда», – сетует исполнитель. Или про зону играет песня.

Водитель поездку разговорами разбавляет, да не пустыми.

– Ты мценский сам-то? В Москве работаешь? В охране? А племянник мой в охране. Шестой разряд получил, с оружием который. Поболе стал получать. Ты, если охрану надумаешь, звони – соединю вас с племянником. Витька парень хороший, в тот год женился, ждём, когда детки пойдут. У меня их, племянников, аж четыре штуки, но Витька самый толковый.

Водители – люди самые разные. Один даже работает водителем на единственной во Мценске машине реанимации. Частенько рассказывает, как на ней обгоняет смерть.

Шеф окно обязательно своё откроет: не ехать же с закрытым, пока он курит! Тут-то и ты закурить можешь. Едете вы с окнами открытыми, из окон песня о незадачливой женщине, которая не загадала желание на падающую звезду. Высадит тебя водитель у дома 27 по улице Красноармейской. Отдаёшь ему 100 рублей: «Без сдачи, дружище, спасибо!». Широкий твой жест! А водитель тебе: «Ну, бывай! Свидимся!».

Вот это – Убер Блеск.

Не свинья

Отчего-то осень я люблю пуше лета и весны даже.

Как все порядочные шизофреники, осенью я чувствую в себе душевные перемены и желание валяться в листьях, как непослушный пёс.

И, если бы не осень, вряд ли бы я вспомнил эту историю.

Потому что если бы всё время мою голову припекало солнце, а из рук я не выпускал бы мороженое «Юбилейное» в вафельном стаканчике, – я был бы беззаботным и немножко бесполезным.

А осень – она всё по своим местам расставила.

Дело было так: Вова Гришичев набрал кредитов в микрозаймах.

И набрал порядочно, тысяч триста.

Вова Гришичев был гедонистом – любил жить, жизнь, вино и женщин.

Вова поехал на такси в Орёл, Вова танцевал в клубе «Часы», хватал за ноги танцовщиц гоу-гоу и пел в караоке «Рюмку водки на столе».

Вова позвал всех своих друзей: Витька Жигуля, Серёгу Мастера, Игоря (просто Игоря).

Вова Гришичев поехал в сауну, а на предложение администратора «позвать подруг» Вова интеллигентно кивнул. Так кивают, когда благодарят официанта за поданных королевских креветок под соусом бешамель.

Триста тысяч достались Владимиру быстро – и так же быстро сгорели, не повидав степенной и размеренной жизни, не встретив ни одного кассира из «Пятёрочки». Сгорели бумажки в считанные часы.

Когда кредиторам стало понятно, что Вова Гришичев – клиент «мёртвый», по доброй традиции и без всякого сожаления все долговые обязательства Вовы перешли к коллекторскому агентству.

Вова человек здравомыслящий – он это предвидел ещё в самом начале.

Посему, будучи стратегом с детства, контактным лицом записал свою бабулю восьмидесяти лет, Тамару Николаевну. Адрес оставил и телефон.

А сам – нужно же возвращаться к земной жизни, хотя и с преодолением – уехал в Москву и устроился на работу, которую принято в народе звать «чёрной». Получал денежку на руки за каждый день. Хватало на еду да на бутылку водки с акцизом – Вова на судьбу не жаловался.

В это время в 350 километров от Вовы Гришичева в дверь квартиры за номером 27 ломились бритоголовые парни с обычным, классическим инструментарием:

– Бабка, ты помрёшь, если не отдашь!

– Сука, верни деньги!

Иногда Тамаре Николаевне звонили на старый телефон с круглым циферблатом.

Туда говорили мягче, но чаще и настойчивее, телефон пришлось выдернуть из розетки.

Тамара Николаевна, воспитанная папой-инженером и мамой-терапевтом, слово «Сука» слышала примерно третий раз в жизни и первый – в её адрес.

Через месяц настойчивых визитов, звонков и двух заявлений в полицию Тамара Николаевна собрала вещи и пошла в больницу: «Положите меня, девочки, на дневной стационар, что-то дурно мне».

И бахнулась. Инсульт.

Вова Гришичев к бабуле приехал – он же не свинья какая.

– Вовушка, твой долг ведь?

- Бабуль, мне на врачей! Я молчал, но я болел! Всё на врачей потратил, до копеечки!
 - Вовушка,ними с книжки мои похоронные, отдай долг.
- Вовушка снял и долг отдал – не подумали же вы, что он бабулины деньги тоже потратил?
Нет, он же не свинья какая.

О соседях

Звонит мне в дверь как-то мой сосед – дед Лёша. Открываю. Он протягивает мне журнал «7 дней»: «Артура, ты попросил почитать, я вот принёс». И ушёл.

Я живу в съёмной квартире с видом на Преображенское кладбище уже три года. Напротив меня кто-то живёт. Сбоку от меня тоже кто-то живёт. Кажется, какая-то бабуля, которая всё время гасит свет в тамбуре – и я вечно спотыкаюсь о полки с обувью. И ещё четвертая квартира. Там тоже кто-то живёт.

Дед Лёша живёт в другой части подъезда. Он – не кто-то, а дед Лёша только потому, что у деда Лёша на лестничной клетке есть стул. На нём он гуляет. Когда-то дед Лёша крепко пил. Чтобы он не пил крепко и даже вообще не пил, его «бабка» отнимает у деда Лёши пенсию.

Когда я открыл журнал, увидел в нём смятый полтинник и записку: «Купи бытылочку, поставь за мусоропровод (справа)». В авантюру я влезать труханул, признаюсь: видел пару раз дедлёшину жену – женщина суровая, такая и дверь подожжёт. Деду Лёше я журнал вернул вместе с содержимым. Тот – в слёзы: «Меня, – говорит, – бабка поедом ест. Сходил сегодня в храм. Я ж Алексей, человек божий. Мне батюшка кагорю налил. А бабка меня за праведное дело – того!». С тех пор дед Лёша стал тем самым товарищем, который тебе в детстве кричит с улица: «Артурааа, выходи!». Как дома – звонит в дверь. «Э, – говорит, – выходи в домино играть!». Или в шахматы зовёт. Деда Лёша – мой единственный сосед, которого я знаю.

Когда мне было 7, самой страшной просьбой мамы было «Сходи до тётки Люды за морковкой, на суп не хватает». Это значило, что в ближайшие пять минут я должен был почувствовать всю боль эксплуатации детского труда. Звонишь в звонок – никто не открыл. Так, ну тогда к тётке Тане: «Тётъ Тань, у вас не будет морковки? Меня мама послала». Мне, конечно, не нравилось тревожить соседей, только было это за здрастье раз в неделю.

На новый год мы всем этажом собирались у кого-нибудь дома. Взрослые – в зале, дети – в спальне. Помню, родители купили музыкальный центр с караоке, и весь новый год из зала доносилось гулкое «Я убью тебя, лодочник». В это время вы всей малышнёй осваивали мой первый компьютер, обсуждали, кто в кого «втюрился», запускали поезда по железной дороге и лопали заботливо принесённый взрослыми со стола виноград.

У моей соседки Ленки была злая кошка Сима. Как-то Ленкина мама была в ночную смену, а кошка на Ленку кидаться стала, не давала домой зайти. Помню, как та прибежала к нам в слезах, а мой батя нацепил ватный тулуп и варежки и пошёл нейтрализовать разъярённое животное.

Моя соседка сверху, по совместительству моя детсадовская воспитательница тётя Наташа, мастерила для утренников мой костюм Буратино. Просто так.

На третьем этаже жила семья белорусов с сыном Андрюхой, рыжим-рыжим. И папа рыжий. Веснушки его палили, когда он в дедморозовской бороде приходил с требованием прочесть стих за подарок.

Знаете эту тему, когда при сильных морозах уроки отменяют? Как-то целую неделю стояли холода, и мы с соседом Олегом всю неделю просидели за компом, играя в Мортал Комбат на клавиатуре с двух сторон. Во было дело!

Когда мне было нечего есть, сосед Олег наваливал дома в тарелку кучу еды с горкой – и приносил.

В подъезд всегда выходил курить мужик из 21 квартиры – в одних семейных трусах.

На двери моего подъезда до сих пор нет домофона.

Иногда, когда я слушаю песню «Городок», я на пару минут возвращаюсь туда. Там не закрывают дверь даже ночью, на праздник собираются всем подъездом в крошечной малогабаритке, а моего кота по подвалу с фонарём ищет сосед дядя Миша.

Я живу в съёмной квартире с видом на Преображенское кладбище уже три года. Напротив меня кто-то живёт. Сбоку от меня тоже кто-то живёт. И ещё четвёртая квартира. Там тоже кто-то живёт.

Фиаско

Страхом моего детства было то, что кто-то из родных решит заказать поздравление в программе «Поздравительная открытка» на мценском телеканале.

Во Мценске есть телеканал – и это удивительно. По крайней мере, был – точно.

Самая колоритная программа, которая даёт фору даже местным новостям – поздравительная открытка. Сначала под красивую фортепианную музыку вылезает заставка: кружатся цветы то ли в вальсе, то ли хаотично, всё выезжает, блестит, плывёт, саксофон на фоне – чистый «подарок» в Одноклассниках. Видели ж такие? Мне родня присылает на праздники: потом возле аватарки мигает кот с букетом и глиттерной надписью «Тебе от меня! Самому классному». Вот, примерно такая заставка.

Потом на экране появляется сильно накрашенная женщина в парике. Ну, ладно, не в парике, но на голове у неё зияет ровный-ровный пучок, выверенный по углам, радиусу, периметру. Идеальной геометрической формы. Женщина улыбается. «В эфире «Поздравительная открытка», – говорит женщина.

Потом объявляют первого именинника. Структура отточенная: кого поздравляют (звания и регалии) – кто поздравляет – с чем поздравляют – стихотворение с сайта открытка.ру. Пример (утрированный):

«Любимого отца, деда, прадеда, лучшего слесаря завода МЛЗ, человека с большой буквы, победителя конкурса «Золотые руки-2014», заслуженного филателиста России Виктора Семёновича Огурцова поздравляют мама Света, дядя Боря из Томска, дети Анютка и Витенька, внуки Серёженька, Ванюша и Анютка, коллеги и бригадир, продавец магазина «Продукты» у дома, контролёр маршрутного автобуса номер десять и кума из Пскова Татьяна. Они поздравляют его с Днём рождения и передают ему это поздравление: «С днём рожденья поздравляю, счастья, радости желаю!».

Всё это ведущая говорит голосом примерно таким: представьте каноничную регистраторшу в ЗАГСе. Представьте, что она хряпнула стопочки три анисовой наливочки. Не развезло, не навеселе, а так вот маленечко накрыло: глаз у неё блестит, речь мягкая, как пух гусиный, а льётся чисто, как ручей на Эльбрусе. Вот так она и продолжает: «Для Виктора Семёновича родные заказали эту песню». И то ли у канала совсем засада с фантазией, то ли все родные Мценска сговорились, то ли у Ирины Аллегровой монополия на музыкальные поздравления на местных телеканалах, но с вероятностью в 96% дальше играть будет её песня «С Днём рожденияя, успехов радости везеенияяя». В остальных 4% случаев с Днём рождения подруга поздравляет подругу. Тогда только ставят песню Лолиты и ещё какой-то женщины про «Говорят, что дружбы женской не бывает».

И попасть в такую программу, пока ты школяр – это начало конца. У одноклассников появляется новый повод для шуток, а ты, неготовый пока к медийности, робко мямлишь «Да это баба всё, я ей говорил, что не надо».

Однажды накануне моего Дня рождения бабушка отнесла мою фотографию в редакцию газеты «Мценский край». В новом тираже я красовался на обложке в образе моряка дальнего

плавания (у вас железно тоже были такие фотографии). Были и стихи, и подпись, всё по канону. Весь класс ещё неделю шутил, что в моё лицо будут заворачивать селёдку, а я неловко отнекивался от своей публичности.

«Ба, ну ты чего меня позоришь, все смеются теперь!». Бабушка сильно переживала, что поздравление мне-барину не понравилось. Постоянно извинялась и говорила: «Артурушка, я как лучше хотела». Видели бы вы противное лицо этого Артурушки, несущего репутационный урон.

Недавно я к бабуле приехал в гости, стали вспоминать мои детские годы. Она тут возьми и вытащи эту газету столетней давности: «Гляди, говорит, я один экземпляр сохранила!».

Смотрю: а на фотографии моей размылась типографская краска круглыми каплями. Плакала, выходит.

Расплата за царские замашки Артура Великого последовала без раздумий: «Ба, получается, это единственный раз, когда про меня в газете писали! Хорошо, что ты меня тогда вот так поздравила».

«Иди-ка чай пить, я тебе твой любимый яблочный испекла». Это по-бабушкиному: «Прощён, зараза такая».

Помнишь, ты был живым?

Мои родители хранят мою комнату такой, какой я её когда-то оставил.

Разве что, освежили обои и убрали со стены ковёр. Помните эти ковры? Перед сном разглядываешь на нём причудливые узоры, придумываешь там себе что-то.

И ты приезжаешь туда, как в музей. Экспозиция «Жизнь юного Артура».

Это, товарищ экскурсант, японский видеомэгаффон Funai. Он стоит аккуратно под телевизором, ровненько. В тумбочке под ним – видеокассеты с мультфильмами. Половина кассет – те, которые «Санёк, дай позырить, я верну». Не вернул. Есть ещё две. На одной – все утренники из детского сада. Это вот эти, когда «Дедуска марос балада из ваты». Вот эти, где мама сшила тебе костюм Буратино, а потом оказалось, что всем раздали одинаковые костюмы Буратино в детском саду. Ты потом упёрся, мол, я всё равно в своём буду. И пляшешь один в красной курточке, а все – в жёлтых. Потом ты там налопался ореховых конфет и мандаринов – и впервые узнал, что такое аллергия.

На другой кассете – вся семья в гостях у прабабушки. Её уже нет, а вот дедушка Коля – здоровья тебе, мой золотой, – ещё говорит. До инсульта.

На полке – старая копилка-Башня. Это из неё ты потом ловко научился вытаскивать монетки с помощью ножа. Купил на них 10 пачек кукурузных палочек в сахаре, раздал всем во дворе и потом искренне не понимал, за что получил по жопе: «Я ж поделился!».

Старый телефон с вертушкой. «Артура, выходи гулять!». «Артур, может, сегодня матишу прогуляем?», «Артур, это Татьяна Николаевна, классная руководительница. Позови-ка маму». Чудной он, телефон этот. Если в номере была девятка, считай – без шансов. Пока докрутишь – палец точно сорвётся, и придётся всё заново набирать.

Полка с шахматами. Помнишь, Артур, эти шахматные часы? Тебе их дед подарил, когда ты победил в городском турнире среди школьников. Ты этими часами страх, как гордился. А потом продул парню на год младше – и сдулся. Так всю жизнь и учишься достойно принимать поражения. А часы – как новые, в коробочке.

Полка с фотографиями: вы с пацанами на речке, все грязные, в илу, глине – обещали дружить всю жизнь и давали клятву. Как у Олега фамилия была? На «К» какая-то... Кочетков?

Шкаф со старой одеждой: футболка с Микки Маусом, джинсы с подтяжками. Ругаешь маму – «выброси хлам». Из раза в раз делает вид, что не слышит. И каждый раз, когда снова уезжаешь, видишь – глаза блестят. Ты уже знаешь – как только выйдешь за порог, заплачет.

- Ладно, мам, пошёл я.
- Когда приедешь теперь? Может, пораньше?
- Мам, ну работы много. Бать, давай! – и обнимешь их покрепче.
- Позвони, как доедешь.

Позвонить, конечно, забудешь – мама не выдержит, сама наберёт.

И вроде налегке уедешь – а с чемоданом. И сердце тащит этот чемодан, надрывается: в нём память. Ты этот чемодан носишь-носишь, устанешь – выкинешь его на станции метро Преображенская площадь. В урну прямо. Пусть растащат! А потом кто-то ночью будто в дверь звонит. Открываешь – стоит. Память! Как будто и не выкидывал, вернулась:

«Помнишь, ты был живым?».

Солнышко ты моё ясное

Мой кореш Санёк – тот ещё романтик.

В далёкие времена, когда влюблённые обменивались смайликами с сердечками по аське (вы ж ей тоже пользовались?), Санёк с ником «ОпассНый» стал ухаживать за Людой. Люда была из тех дам, что перед посиделками на лавке тратила добрых часа два на макияж, завивание кудрей и подбор гардероба. Мы пацанами таких трудов Людкиных оценить по достоинству не могли. Тёма по прозвищу «Дед» даже как-то выпалил Людке: «Люд, а чё ты так рядишься всё время, кабутта с Москвы приехала?». Людка потом убежала в слезах, а Артём так и не понял, чем ранил даму.

Санёк в Люду влюбился страшно: пел ей песню группы «Руки вверх» «Солнышко ты моё ясное, я не отдам тебя никому». И знаете, в припеве голос чуть с надрывом и глаза прищурены. Любовь – она любовь и есть.

Сразу скажу: Санёк в итоге женился на другой, а Люда уехала в Воронеж – и никаким хэппи эндом здесь и не пахнет – но Люда и Саня сегодня здесь благодаря вот этой вот истории.

Как-то Люду строгий папка спалил за курением. Наказание последовало классическое и незамедлительное: «После школы – сразу домой, и никаких гулянок». Люда написала ночью Саньку: так да так мол, приходи под балкон, приноси сигарет. Санёк пришёл, Люда ему спустила ниточку, тот привязал к ней сигареты с зажигалкой. Люда груз подняла, выкурила синий бонд, а когда закончила, Санёк хрипло в ночной тишине возьми и скажи: «Люд, слышь! Выходи в подъезд! Поцеловать тебя хочу!». Ну а где тут Людке не выйди, когда на Сане – новые треники с лампасами, когда в глазах его – огонь любви. Вышла. Да так спешно, что даже света в комнате не погасила.

И длиться бы этой ночи вечно, да только Людкин батя ночью проснулся в туалет. Глядит – свет в комнате горит, а Людки след простыл. Он возьми, да и закрой дверь на ключ. Мол, теперь незаметно не явится, гулёна.

Людка с женихом в этот момент стояла в подъезде – и отчётливо слышала, как повернулся ключ в двери. Звук этот предвещал пиздюлей, а ситуация казалась безвыходной.

Но Саня был бы не Саней, если бы не придумал план. Он залезет на Людкин балкон – что там, второй этаж! – свяжет простыни, скинет Людке, а та по ним заберётся домой. Саня благополучно слезет вниз, а Людкин батя подумает, что это – видение возрастное, что Людки не было, и пора попить чего от нервов.

Герой-любовник стал карабкаться на балкон. В какой-то момент (назовём его роковым) единственным, за что можно было ухватиться, стало колесо велосипеда на соседском балконе. Саня схватился за него правой рукой – и повис. Медленно, насколько это возможно в дурацких ситуациях, Саня стал перевешивать велосипед. Людка только успела крикнуть «Отпусти руку, прыгивай», как Саня рухнул на асфальт, а сверху – с грохотом на него приземлился велосипед ЖВЗ. Тяжёлый, сделанный на совесть велосипед ЖВЗ.

Саня – на скорой с открытым переломом, Люда – не выходила гулять до нового года. Вот что любовь животворящая делает!

Иногда я думаю, что молодость дана, чтобы однажды, когда тебе стукнет 27 или 37, ты взял бутылочку «Рижского», гитару – и стал тихонько напевать песню группы «Руки вверх» «Солнышко ты моё ясное, я не отдам тебя никому». И где-то там, на задворках памяти, летел с балкона. А вслед за тобой – велосипед ЖВЗ. Ногу сломал – но сломить твой дух и любовь твою первую – ни одному ЖВЗ не под силу. И так и сидел бы, а только соседка баба Маша позвонит в дверь: «Э, музукант, ты время видел? А ну утихомирься там, ща полицию вызову».

Гитару отложишь и спать пойдёшь – завтра вставать на работу рано.

О вреде курения

Курить я начал в 14 – с вызовом.

Когда я делал первые затяжки, на юношеском лице моём отчётливо проступала мужественность.

Кое-кто здесь повзрослел – и эта папироса «Золотое руно» тому самое верное доказательство!

Правда, за такую наглость мне в первый же день прилетело дома. Анализ стойкого табачного амбре от моей правой руки показал: подозреваемый – виновен, избрать ему наказание в виде меры пресечения «домашний арест без компьютера и гулянок».

В следующий раз я уже стащил из дома прищепку – вставлял в неё сигарету и так курил. Когда прищепка терялась, её заменяла согнутая вдвое ветка.

Перед домом нужно было «дыхнуть» корешу Олегу:

– Олежа, ну чё? Пахнет?

Чтобы выдворить следы «Золотого руна» в ход шло всё: вишнёвые леденцы, мятный орбит, листва деревьев. Всё – ради дела!

Ведь пока ты стоишь, потягивая сигарету и манерно выпускаешь дым, раздувая щёки – ты не сопляк! Ты мужчина, ты состоялся, ты кое-что видел в жизни!

Девчонки тоже курили: тогда только появился яблочный Kiss, а сигареты с ароматами – это ж исключительно женское удовольствие.

Потом я таскал у родителей «Союз Аполлон», на чём неоднократно попадался. В качестве наказания меня отправляли в «ссылку» к бабушке на дачу. Это значило, что ближайшую неделю я буду играть с бабулей в «дурака» и читать «Пятнадцатилетнего капитана», а с пацанами на великах гонять на заброшенную АТС и курить там не буду. И это было настоящей трагедией.

Курить я так и не бросил, только уже не прячусь за углом соседнего дома, чтобы никто не донёс матери.

Правда, привычка что-то делать украдкой – усталось.

Украдкой я грущу, чтобы никто не видел.

Жена спросит иной раз:

– Э, ты чего такой кислый?

– Не-не, я не кислый, это тебе кажется! – и включишь смешной ролик про кота, чтобы не спалиться на печали. Смотри, мол, весёлый я, над котом смеюсь!

– А ну, посмотри на меня! Опять грустил?

– Да это пацаны грустили, на меня напечалили.

Фух, поверила.

Карманные деньги

Я помню свою первую карманную денежку. Рюкзак был собран, в нём томились новенькие зелёные тетради в клетку и линейку, пенал-тубус, любимый железный конструктор и альбом с красками. Родители сели рядом у письменного стола – мы разбили мою копилку с мелочью и теперь распределяли монетки. Эта кучка – на понедельник, эта – на вторник.

Карманную денежку я всю начальную школу обменивал в столовой на любимое пирожное «медок»: два жёстких коржа с вкусной серединой из вареной сгущёнки. Доберешься до центра пирожного – и там этой сгущенки самый толстый слой. Иногда покупал безе, которое мы ещё называли «снеговичком» из-за формы. На сдачу – газировку в стеклянном стакане.

В четвертом классе батя дал мне на день рождения 500 рублей, а взамен попросил вынести мусор. Я бежал до урны вприпрыжку, размахивая ведрами – никакая тринадцатая зарплата рядом не валялась. В ближайшую неделю я был самым популярным пацаном в классе: покупал всем сосиски в тесте, беляши и газировку, на неделю освободив одноклассников от повинности есть тушёную капусту.

В старших классах карманные деньги стали уходить на сигареты – бывало, даже пешком ходил, чтобы на автобус не тратиться. Меня такой расклад, конечно, не устраивал, и однажды ночью я стащил у бати косарь. Настоящий косарь!

Я покупал коктейли в алюминиевых банках ноль пять и даже купил какие-то жуткие серёжки для мадам, с которой впервые поцеловался. Встречай, улица родная, олигарха местного! Сработало примерно так же, как те 500 рублей в четвертом классе.

Правда, эйфория быстро закончилась, а с ней – и собутыльники.

Оказалось, что я украл последнюю тысячу – и ту отложили на подарок деду. На днях у него был день рождения, и батя мечтал купить ему дрель.

На праздник я пришёл с самодельной открыткой: корявым почерком я вывел на ней «Дед, с Днём рождения» и придумал какие-то стихи.

– Отец, ты прости, мы без подарка – денег нет, Артуру в школу всё снесли.
Это были первые слова отца, от которых стало больше, чем от ремня с офицерской бляхой.

Пап, я знаю, что ты однажды это прочтёшь.

Есть долги, которые нельзя просто вернуть, подложив через полгода сэкономленную на завтраках тысячу в карман твоей зимней куртки.

Есть слова, которые не приходят вовремя и кстати – они годами прячутся внутри, боятся сунуться наружу, потому что на пути у них – стыд и страх.

Прости.

Ласточка

У Витьки Лебедева появилась первая машина. Витькин отец отдал сыну старую, себе купил новенькую «двенадцатую». Восьмёрка цвета «металлик». Цвета она, если честно, была почти целиком рыжего, потому что гнилая. Но это не имело ровно никакого значения.

Теперь можно было разделить жизнь двора на две половины: до и после.

Половина «до» казалась откровенно скучной. Ну, сидели за гаражами за столиком. Ну, шашлыки жарили. Ну, в подъезде зимой на гитаре бренчали.

А тут! Другое дело! Во-первых, даже за пивом до ближайшего магазина никто уже не ходил. Ездили, понятное дело!

– Витёк, заводи, погнали за «Жигулёвским»!

И Витёк заводил! Восьмёрка дребезжала, как медный таз, сброшенный этажа с десятого на железную крышу гаража. Восьмёрка в этих своих хрипах зажигательных откровенно боролась за жизнь. Пара секунд – и есть! Засветилась красным модным светом магнитола, заходила стрелка тахометра. В динамиках играла песня группы «Фактор 2» про шалаву, а кто-нибудь остроил, что знает, про кого с нашего двора эту песню написали.

Место рядом с водилой – для кореша, очень почётное. Во-первых, всем прохожим этого пассажира видно – он тоже катается на тачке, а значит не ноль без палочки, а солидный человек. Во-вторых – именно у его места приклеены три иконки, а значит едет, как у Христа за пазухой (а такая защита в восьмёре, сами знаете, не лишняя).

Ехать сзади – не так почётно, конечно, но всё лучше, чем не ехать вообще. Окна открыты нараспашку, валят из них клубы дыма сигаретного, доносится всё тот же хит группы «Фактор-2», по второму кругу пошёл.

«Витька, сделай громче!» – потому что пассажир сам никакого морального права музыку наваливать погромче не имел. «Ну Витёк, ну, навали! Светка идёт Карпова! Тормозни-ка». Витька тормознёт.

Из открытого окна восьмёрки покажется лицо не мальчика, но мужа:

– Свет, э! Чё, где Санёк-то твой? Сдулся?

– Слышь, отвали, рыжий! Ехай давай, куда ехал!

– Свет, а Свет. Ну, а чё, на дискач в клетку придёшь сегодня?

– Сказала, отвали! – распалится Светка. И добавит всё равно отчего-то, – приду, чё не приду-то.

Вернётесь к пацанам во двор: «Ну, чё, мы пивка взяли. Погнали на речку!»

Что тут начнётся! Вас же человек восемь! Один в багажнике, трое на коленках – головой бьются о потолок! И из магнитолы в этот момент обязательно что-нибудь эпичное, воодушевляющее заиграет: «Атас, веселей, рабочий класс!».

Вывалитесь толпой из машины, отдышитесь, смеётся станете до коликов:

– Ваня, ты мне своей пяткой по башке заехал!

– Худей, жиртрест!

- Надо было тебя, дрища, назад сажать!
- Пацаны, мы Деда в багажнике забыли.

А потом обязательно снова куда-то ехали.
А куда?

Да не всё ли равно.

Несчастливая

Лиза, как её ни встретить, твердила: «Какая ж я несчастливая! Тридцатка мне, понимаешь? У старшего папаша в федеральном розыске по алиментам. У младшей – тоже слился, бухарик! Две тысячи мне в месяц шлёт. Попробовал бы он на две тысячи ребёнка одеть-обуть и хлеба купить! А детям ведь отец нужен».

Лиза работала уборщицей в магазине на полставки. Говорила: «А чё мне? Я полдня всего на работе – и к полудню уже автобусом домой еду! Плотют, конечно, немного – девять тыщ всего. Вот на заводе, на линии – ходила, узнавала – тринадцать предлагали! И это за полный день! Да я лучше за девять, но полдня. Согласись? Мне б такого, чтоб семью кормил. Вот бывший мой, Веркин папка. Принесёт мне рублей 500 со своего такси за день – накатал так накатал! Я ему и сказала, чтобы в жопу себе засунул и катился, мне другие доходы нужны».

Лизу встретишь как-нибудь днём, часа в три. «Э, куда чешешь-то? Я вот в столовку! Ну, как какую? К бабке! Она нам жрать готовит». А за ней – гуськом старший сын Антоха и дочь Вера, помладше.

Шептались за Лизку бабки: «Сколько ж она будет папок этих домой таскать! Что ни халь новый, – всё в дом, всё папка! А они посдуются, месяца не пройдёт – новый папка в доме. Как же она с дитями! Не жалеет совсем».

Как-то зажуужала людская молва, заволновала воздух: в этот раз у Лизки серьёзно! Она намедни сама всем рассказывала. Новый ухажёр – директор охраны в Москве, не ниже! Ходит важно, куртка кожаная, барсетка – не валенок какой, ваты не катает!

Нет в моём дворе ни песочницы, ни ржавых качелей. Сидит Антоха на лавке, в лавке дыру пальцем ковыряет. Говорю: «Антоха, ты чего один сидишь? Скучно поди!». «А чё, – отвечает, – не одному, када папа Санька ушёл. Вот этот папка самый нормальный был, даже яйца шукаладные мне покупал! Мамка говорит, что он в закат сыбался».

И пойдёт, нос повесимши.

Баба Нюра выйдет, пока листву с окна лобового смахиваю.

– Слыхал про Лизку-то? Оказывается, зэка в дом притащила, вышел только. А гламно всем наплела, что он начальник! Она и золото всё бабкино в ломбард снесла – три месяца жили, как у Христа за пазухой. А как денюжки у ей кочились, так и сдрыснул. А Нинка моя, дочка, ей форму школьную для девчонки потом отдавала. Тьфу, страмота!

Гляжу Антохе вслед. Он чего-то встанет резко – да ко мне повернись и пойдёшь быстрым шагом.

– Дядь, твоя машина? Покатай, а!

Неудача

Открылся у нас на районе как-то магазин продуктовый.

Неопытный зажиточный какой-нибудь москвич может сказать: «Тоже мне событие! Магазин продуктовый открылся!».

И мы такого человека сейчас же отругаем за его узколобий снобизм.

Во-первых, у нас на районе никогда не было большого продуктового магазина. Только палатки вот эти, знаете, с самым очевидным названием: «Хлеб», «Продукты».

Мне вот, кстати, такие названия по душе. Сразу понятно, чего там внутри искать – и надо оно тебе вообще, или совсем даже и не надо.

А не так, что вот «Пятёрочка» какая-нибудь. Что там, в этой «Пятёрочке»? Знать-не знаешь, зашёл – и купил всего по акции «три по цене двух», и последние штаны отдал за освежитель воздуха со скидкой. Потому что вектора нет.

Дак вот: рядом с «Хлебом» и «Продуктами» открылся продуктовый магазин.

Над железной дверью сиротливо висела табличка «Удача». Название, получается.

Народ мценский – он же ироничный, с юморком.

И прозвали магазин «Неудачей» прямо с открытия.

А магазин, чего уж, был весьма достойным: несколько отделов, в каждом – свой продавец! И бакалея, и колбасный, и виноводочный – в лучших традициях гастрономов!

А потом в магазине два отдела объединили в один – и продавца одного оставили. А потом там с удручающей частотой стали просрочку под видом товара первой свежести продавать.

А потом и выбора в магазине почти не стало. Пару видов сырокопчёной да докторская вчерашняя.

Фрукты почерневшие – с уценкой.

И продавцы совсем не улыбчивые.

А потом магазин закрылся, потому что разорился. Потому, что в моём районе ходовыми товарами были водочка, хлеб и вермишель быстрого приготовления «Роллтон» с ароматом говядины (моя любимая).

А фруктовые изыски в лице винограда «дамские пальчики» были не в ходу.

А такую потребность вполне перекрывали палатки с очевидными названиями «Продукты» и «Хлеб». Ну, разве за водкой можно было до соседнего района сгонять – но и это, считай, приятный променад перед праздничным распитием ноль семи.

Вчера друг сказал мне, что пошёл на курсы по изучению кельтского искусства за 10 000 рублей.

Я ещё подивился: надо же, в Москве что ни открой, а будет свой потребитель.

И тут же вспомнил, как во Мценске однажды закрылся продуктовый магазин «Удача».

Продуктовый, понимаете?

Зря его «Неудачей» прозвали, наверное. Как прозвали, так и поплыл.

Мешок добра

Пожалуйста, не жалейте добра.

Это так легко: приберечь это своё добро, припрятать его подальше, поставить в подвал к банкам с огурцами и вишнёвым компотом.

Заходить туда с фонариком, в этот подвал, за баночкой кабачковой закуски, смотреть на своё пыльное добро:

«Ой, когда я его сюда положил-то? Лет 10 назад, уж плесенью покрылось, надо б выбросить. Всё руки никак не доходят в подвале разобраться».

Стыдливо этот мешок прятать тоже просто: «В нашем циничном волчьем мире, братан, добрый – значит лох! Тебя проглотит первая акула и не поперхнётся, доброго дурачка. Все нормальные пацаны добро уже на свалку снесли, никто не хранит!».

И поглядываешь ты на этот свой старый мешок: «И правда, снести надо, пока не заметил кто – потом разговоров будет! Мол, дурак я и простофиля!».

Мой друг, которого я предусмотрительно назову чужим именем Серёга, настоящий дурак.

Товарищ Серёги, так уж вышло, остался один с ребёнком трёх лет.

И нравился ему пуще всего вкус горькой беленькой. А может, и не нравился, но запивать – не запивал.

И так он подружился с бутылкой, что прознали об этом органы опеки.

Когда пришли люди в форме с товарищем пообщаться да познакомиться поближе, тот в изрядном подпитии прятался за шкафом: я, мол, в домике.

Ну, а раз в домике, люди в форме ребёнка и забрали. Тоже – в домик.

Я приехал к Серёге в какой-то будний день с припасённой бутылкой вина.

Вы когда-нибудь видели, как рыдают люди, которых принято считать сильными?

Становится страшно, потому что в этот момент им будто все кости разом ломает кто-то.

Серёга рыдал и пытался объяснить причину: «забрали малого, а у этого дурака ни работы, ни жилья нормального, ни паспорта, он за шкафом от органов опеки прятался. У него ребёнка отобрали, а он бухает и кредитов набрал».

И, чуть успокоившись: «Я решил: буду кредиты за него платить потихоньку, дам денег на восстановление паспорта, и жильё ему сниму на первое время, чтобы ребёнка вернули».

Ну я-то – человек прокаченный, прожжённый, я знаю жизнь! Я Серёге и пояснил, что он – лох:

«Ты его, Серёга, на шею посадишь и будешь катать, а он на шее твоей будет сидеть с бутылочкой в руке! Ты, Серёга, дурень-простачок!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.